

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-94-104

ЛУБОЧНЫЙ РОМАН О ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ

Пуряева Н. Н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: nadia_np@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2025

После доработки 10.07.2025

Принята к публикации 14.07.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть, как образ царевны Софьи трактовался на самой периферии литературного поля – в так называемой лубочной литературе. Материалом для анализа служит малоизученный лубочный роман М. Е. Евстигнеева «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии».

Процедура и методы. Методология исследования связана с использованием описательного, культурно-исторического методов и интертекстуального анализа.

Результаты. В результате проведённого исследования уточнена датировка романа (не 1884, как считалось ранее, а 1874), прослежена история создания текста, рассмотрены его источники, обосновывается гипотеза о компилиативном характере произведения. Лубочный роман Евстигнеева – это одна из первых развернутых попыток художественного осмыслиения исторической личности царевны Софьи, примечательная тем, что, в силу принадлежности к периферийному пласту литературы, она отражает не столько авторское, сколько коллективное народное восприятие образа царевны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования восполняют представление об историко-литературном процессе XIX в., а также могут быть использованы при подготовке издания романа М. Е. Евстигнеева.

Ключевые слова: историческая беллетристика, коллективное восприятие, лубочная литература, массовая литература, царевна Софья

Для цитирования:

Пуряева Н. Н. Лубочный роман о царевне Софье // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 94–104. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-94-104>.

Original research article

LUBOK NOVEL ABOUT PRINCESS SOPHIA

N. Puriæva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: nadia_np@mail.ru

Received by the editorial office 04.07.2025

Revised by the author 10.07.2025

Accepted for publication 14.07.2025

Abstract

Aim. To analyze how the figure of Princess Sophia was perceived on the very periphery of the literary field – in the so-called popular print (lubok) literature. The material for the analysis is the little-studied popular print novel by Mikhail Yevstigneyev about Princess Sophia.

© CC BY Пуряева Н. Н., 2025.

Methodology. The main research methods are analytical and comparative.

Results. One of the results of the research is clarification of the novel's dating. Also, the history of the creation of the text was traced, its sources were examined, and the hypothesis about the compilation nature of the work was substantiated.

Research implications. Evstigneev's popular novel is one of the first detailed attempts of artistic interpretation of the historical figure of Princess Sophia, notable for the fact that, due to its belonging to a peripheral layer of literature, it reflects not so much the author's but the collective popular perception of the image of the princess.

Keywords: historical fiction, collective perception, popular literature, lubok literature, Princess Sophia

For citation:

Puriaeva, N. N. (2025). Lubok Novel About Princess Sophia. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 94–104. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-94-104>.

Введение

Лубочной литературой принято называть «издательскую продукцию, обращённую к читателям из социальных низов» [1, с. 7], созданную в период с последней четверти XVIII в. до 1918 г. Эта область литературы по-прежнему остаётся мало изученной, что во многом объясняется незначительной художественной и эстетической ценностью относимых к ней произведений. Между тем, будучи сегментом массовой литературы, ориентированным на определённую целевую аудиторию – городское и деревенское население, составлявшее большинство жителей России, – лубочная литература даёт определённое представление о её мировоззрении и вкусах, а потому заслуживает всё же большего внимания.

По мнению А. И. Рейтблата, лубочную литературу от «литературы “образованных” читателей» отличала «не столько тематика и поэтика, сколько характер издания и распространения, а также некоторые связанные с этим внешние характеристики книги» [1, с. 7]. Исследователь опирается на описание лубочных изданий, сделанное И. П. Сахаровым: «Серая бумага, блестящая раскраска картин, дурные отиски, неправильный рисунок – составляют главные отличия лубочных изданий» [1, с. 7].

Соглашаясь с тезисом о небрежном оформлении лубочных книг, сделаем несколько уточнений: как правило, это издания небольшого размера; при относитель-

но небольшом объёме текст часто разделён на части – отдельные книги; обязательна яркая обложка, на которой может быть изображён ключевой эпизод произведения. Возможно также включение вклеек с иллюстрациями основных эпизодов, которые составляют своего рода краткую визуализированную версию сюжета. В этом смысле, прибегая к современной классификации текстов, лубочное произведение можно отнести к смешанному или креолизованному типу. Специфическое издательское оформление сочетается с особенностями поэтики. Одна из наиболее характерных черт лубочных произведений – вторичность и компилиативность. Лубочные сюжеты часто не оригинальны, а являются адаптацией произведений «более высокого слоя литературы» [2, с. 128], или же переработкой какого-либо популярного сюжета, или компиляцией нескольких. Что касается вопроса об идейной программе лубочной литературы, он, безусловно, требует отдельного изучения, однако едва ли можно предположить реализацию на данном уровне литературы каких-либо последовательных авторских идеологических установок. Речь идёт, скорее, о противоположном: лубочный автор воспроизводит идейные и эстетические взгляды своей целивой аудитории.

Цель статьи – рассмотреть, как образ царевны Софии трактовался в лубочной литературе. Материалом для анализа служит малоизученный лубочный

роман М. Е. Евстигнеева «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии». Методология исследования связана с использованием описательного, культурно-исторического методов и интертекстуального анализа.

Датировка и источники текста

Единственное специальное исследование, посвящённое лубочно-му роману М. Е. Евстигнеева¹, – статья Л. П. Сидоровой [4], в которой исследователь сосредоточился на изображении Петра I, уделив образу царевны незначительное внимание.

Сидорова датировала первую публикацию романа 1884 г., когда он вышел в издательстве И. Д. Сытина в Москве. Между тем десятью годами раньше тот же текст романа был издан под другим названием в другой московской типографии – Яковлева.² Видимо, издательская судьба произведения складывалась следующим образом: роман М. Е. Евстигнеева «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии» впервые был опубликован в издательстве Е. Я. Яковлева в 1874 г. и без изменений переиздан под названием «Царевна-преступница» в издательстве Сытина в 1884 г. В 1888 г., уже после смерти Евстигнеева, роман был незначительно переработан М. К. Йогелем³ и вышел в том же издательстве под названием «Царевна Софья», а затем был переиздан в 1895 г. Таким образом, роман в общей сложности публиковался четыре раза, что свидетельствует об определённой его популярности.

¹ Евстигнеев М. Е. (1832–1885) – один из наиболее плодовитых московских лубочных авторов середины XIX в. См. о нём [3, с. 401–402]; Рейтблат А. И. Евстигнеев М. Е. // Русские писатели 1800–1917 гг.: биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 215–217.

² Пометка на титульном листе «Издание Яковлева», видимо, указывает на Е. Я. Яковлева, владельца московской литографии, занимавшийся преимущественно изданием лубочных картинок.

³ Йогель М. К. (1848–1909) – беллетрист и публицист дворянского происхождения, к лубочным авторам не принадлежавший.

Обратимся к истории создания романа. В 1873 г. в издательстве А. И. Манухина были опубликованы «Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской и его любви к государству», составленные Евстигнеевым на основе «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелина. Появление книги было, видимо, вызвано стремлением предложить невзыскательной публике занимательное чтение о Петре и явилось своего рода «маркетинговым» ответом на потенциальный рост интереса к фигуре первого императора на фоне его 200-летнего юбилея (1872).

Обращение Евстигнеева именно к тексту Штелина, скорее всего, было обусловлено развлекательно-публицистическим характером первоисточника, который подходил для целевой аудитории Евстигнеева в большей степени, нежели академические исторические сочинения, потребовавшие бы существенной переработки⁴ и, самое главное, едва ли входившие в обозримый для лубочного автора круг источников. Евстигнеев значительно сократил количество анекдотов (у Штелина их 142, у Евстигнеева – 64), пересказав их своими словами. Кроме того, он поместил в конце третьей части «Прибавление», включавшее в себя фрагменты из источников, описывающих в основном события конца царствования Петра, в частности, «Манифест о восшествии на трон Екатерины I», рассказ Ф. Прокоповича о восшествии на престол Екатерины I и др. Открывалось же «Прибавление» отрывком, озаглавленным «Покушение на жизнь Петра I (Выдержки из романа)» и напечатанным без ссылки на автора.

Этот отрывок из романа, который описывает подготовку, а также покушение на

⁴ К 1870-м гг. был опубликован ряд обстоятельных исторических трудов, посвящённых петровскому времени: в 1858 г. вышла «История царствования Петра Великого» академика Н. Г. Устрялова; в 1863–1864 гг. вышли 13 и 14 тома «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва, подробно описывающие правление царевны Софьи; в 1865–1866 гг. – 15 и 16 тома, посвящённые Петру I. Об оценках личности царевны Софьи историками XIX в. см. [5], [6].

Петра и гибель одного из заговорщиков от отравления, близок к тексту 5 и 6 глав третьей части романа Евстигнеева, однако имеет ряд отличий. Сопоставим два текста:

«Анекдоты и предания о Петре Великом...»

– Здравствуйте, камергер! Вы, кажется, что-то веселы; поделитесь радостью.

– Поздравьте меня с сыном, которым подарила меня жена моя. Говорят, будто он очень похож на своего батюшку, – говорил пришедший.

– Поздравляю от души вас, и тем более радуюсь, что предположения наши скоро могут исполниться припомните наше прошедшее совещание. Крестины кончат начатое! – говорил Репнев.¹

«Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии»

– Здравствуйте, камергер! – сказал хозяин, подойдя к гостю. Ну что, как дела? По весёлой улыбке вижу, что у тебя какая-то радость.

– Поздравь меня, боярин, с сыном, которым подарила меня жена; люди уверяют даже, что он много похож на меня. – Это был боярин, которого Пётр Первый недавно пожаловал камергером.

– От души поздравляю тебя и тем более радуюсь, что предположения наши скоро могут исполниться. Крестины кончат начатое, – сказал Репнев.²

Приведённые примеры показывают, что при очевидной близости фрагментов текст романа Евстигнеева, с одной стороны, стилистически снижен (замена обращения «вы» на «ты», большая разговорность стиля), с другой – более «беллетризован», т. е. литературно развернут.

Существенные расхождения проявляются также на уровне сюжета. В отрыв-

ке, включённом в «Анекдоты», важную сюжетную роль играют крестьяне Иван (Ванюша) и Марья. Иван сообщает Петру о подстрекательстве раскольников к мятежу против него, передаёт список заговорщиков, который он украл в доме боярина Репнева, а также предупреждает о готовящемся покушении. Появляющаяся в следующем за тем эпизоде Марья также сообщает о подстрекательстве раскольников. Эта пара героев, насколько можно судить по отрывку, образует любовную линию сюжета. В романе Евстигнеева эти герои отсутствуют, а любовную линию, которая выступает как средство связывания разных сюжетных пластов, образуют боярский сын Матвей (Матюша) Скоба и дочь купца Тарасова – Настя. Радикально отличается сюжетная функция боярина Репнева. В отрывке он один из заговорщиков и в случае удачного исхода покушения рассчитывает стать регентом при царевне Софье. В романе Евстигнеева боярин Репнев, мучимый угрызениями совести, доносит Петру на своих сообщников и тем самым помогает предотвратить покушение.

Таким образом, наиболее явные отличия романа Евстигнеева от отрывка заключаются в большей повествовательной развёрнутости, установке на разговорность стиля, повышении социального статуса героев любовной линии (не крестьяне, а купеческая дочь и боярский сын), а также изменению сюжетной роли боярина Репнева.

Публикацию «Анекдотов» (1873) и романа «Раскольничье гнездо...» (цензурное разрешение от 10 октября 1873 г.) разделяет несколько месяцев, и в этой связи возникает вопрос, как объяснить расхождения текста отрывка и романа Евстигнеева. Сопоставительный текстологический анализ не даёт однозначного ответа на вопрос об авторстве отрывка.³ Рассмотрим две версии.

¹ Евстигнеев М. Е. Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской, и о его любви к государству: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1900. С. 197.

² Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 236–237.

³ Анализ текстов отрывка и романа Евстигнеева был любезно выполнен профессором, д-ром филол. наук О. В. Кукушкиной в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ осенью 2024 г.

Предположим, что оба текста написаны Евстигнеевым, т. е. отрывок, опубликованный в «Анекдотах», является первоначальной версией романа, который существенно изменился в результате эволюции творческого замысла. Самой уязвимой стороной этой гипотезы является, пожалуй, тезис об эволюции замысла, т. е. некоем продолжительном процессе, что применительно к творческой манере Евстигнеева кажется довольно сомнительным. По свидетельству современников, он работал в очень сжатые сроки, что характерно и для других писателей-лубочников и являлось одной из особенностей лубочной литературы в целом [3, с. 401–402]. Возвращение к завершённому замыслу также было Евстигнееву не свойственно. Таким образом, допущение, что причиной значительной переделки текста стали творческие искания автора, кажется маловероятным. Можно предположить, что Евстигнеев изменил замысел, следя замечаниям цензуры, однако у нас нет фактов, это подтверждающих.

Итак, столь радикальные внезапные изменения плохо укладываются в модель естественной эволюции одного текста. Однако если предположить, что происходит переработка некоего исходного текста, изменения кажутся более логичными. Таким образом, вторая гипотеза заключается в том, что отрывок, опубликованный в «Анекдотах», является частью рукописи другого автора, на которую Евстигнеев опирался, создавая свой роман.

Обратимся к фигуре М. К. Йогеля, взявшегося переделать текст романа через четыре года после смерти Евстигнеева. Учитывая, что другие произведения последнего подобной ревизии не подвергались, возникает вопрос, чем она была вызвана. Йогель не относился к писателям-лубочникам, происходившим в основном из мещан и разночинцев. Представитель мелкого поместного дворянства, Йогель окончил юридический факультет Московского университета и около 10 лет служил по юридической линии, пока не был уволен в чине коллежского асессора за неявку на службу. В 1880 г. он опубликовал

свой первый роман, а затем с относительной регулярностью печатал романы, повести и публицистику на современные темы. Тем более неожиданно выглядит его обращение к роману Евстигнеева «Царевна Софья».

Выдвинем гипотезу, что за несколько лет до своего литературного дебюта 23–24-летний Йогель, недавний студент университета, увлекающийся беллетристикой, передал рукопись своего исторического романа, опубликовать который, возможно, не решался, в руки более опытного автора – Евстигнеева. Последний использовал рукопись как один из источников своего романа, опубликовав его под своим именем. Достаточно активное взаимодействие беллетристики и лубочной литературы в 1870-х – 1880-х гг. отмечал Пругавин: «в последнее время чуть ли не главными поставщиками литературного материала для лубочных издателей являются сотрудники мелкой прессы; теперь весьма часто случаи, когда рассказ или роман, помещавшийся в вид фельетонов в каком-нибудь „Листке“, вдруг появляется в отдельном издании Сытина, Губанова, Морозова или другого какого-нибудь лубочника» [3, с. 393].

На основе имеющегося отрывка трудно судить о полной картине изменений, которые вносил Евстигнеев, однако, в первую очередь, они были направлены на адаптацию текста под целевую читательскую аудиторию. Дворянину Йогелю крестьянское происхождение главных героев любовной линии могло казаться прогрессивным поворотом, однако Евстигнееву было очевидно, что его читатели ожидают не реалистического изображения действительности, а, напротив, альтернативной реальности, «чудесного». Возможно, этим объясняется замена крестьянки Мары на купеческую дочь, а крестьянина Ивана на найдёныша-сироту, который затем оказывается боярским сыном. Используя фольклорный сюжет о сироте-найдёныше, Евстигнеев дополнительно усиливает интригу, занимательность своего повествования. Одновременно с этим Евстигнеев

изменяет стилевой регистр текста, приближая его к просторечью и добавляя поэтизированию связности.

В таком случае обращение Йогеля к тексту романа в 1888 г. можно рассматривать как попытку вернуться к своему раннему замыслу. Правка, которую он вносит, в основном стилистическая. Он также исправляет некоторые исторические ошибки Евстигнеева, однако лишь в тех случаях, где это не приводит к изменению сюжета. Отредактированная версия романа выходит с пометкой: «исторический роман Евстигнеева, переделанный Йогелем».

Помимо, как мы полагаем, рукописи Йогеля, Евстигнеев в своём романе использовал также фрагменты из «Анекдотов», в некоторых случаях приводя их почти дословно: например, описание гастрономических предпочтений Петра¹ или описание подарка, который Пётр обычно делал на крестинах.² В романе также приводятся пространные описания домов купца Тарасова (часть 1, глава 3), боярина Репнева (часть 1, глава 4), одежды боярыни (часть 2, глава 5), стилистически отличающиеся от остального текста, что даёт основание предположить, что они с минимальными изменениями либо перенесены из текста Йогеля, либо заимствованы из другого источника. Таким образом, текст романа Евстигнеева как типичное лубочное произведение представляет собой не оригинальный замысел, а литературно обработанную компиляцию.

Сюжет романа

Время действия в романе не обозначено, однако события можно соотнести с зимой – летом 1697 г.: в феврале был раскрыт заговор стрелецкого подполковника И. Е. Циклера, готовившего покушение на Петра, летом были подавлены попытки стрелецкого восстания. Историческая оценка этих событий традиционно нега-

¹ Евстигнеев М. Е. Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской, и о его любви к государству: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1900. С. 16.

² Там же. С. 143–144.

тивная, а действия царевны Софии трактуются как попытка узурпации власти. Этот компактный и в то же время насыщенный период истории – плодотворная основа для напряжённого сюжета с чёткими морально-нравственными ориентирами и дидактическим посылом, что характерно для сюжетов лубочной литературы.

Художественная реальность романа ориентирована явно не на воссоздание объективной исторической картины. Так, одним из центральных персонажей романа является раскольник Никита Пустосвят, казнённый по приказу царевны Софии осенью 1682 г. Появляется в произведении и боярин А. С. Матвеев, погибший от рук стрельцов в мае 1682 г. Как отмечает Сидорова, писатель «не очень считается с точностью исторических фактов, а может быть, и не очень в них осведомлён» [4, с. 36].

По сюжету царевна Софья с сообщниками, среди которых князь Дмитрий Васильевич Волынский, начальник стрелецких полков боярин Иван Андреевич Репnev, купец Тарасов, стрелецкий полковник Циклер, сотник Прокопий Сильверстов, стрелец Лясинский, а также раскольники Никита и Ермолай, плетут заговор с целью возвести её на престол. Подходящим случаем для покушения на Петра выбирают предстоящие крещёны сына князя Волынского: на празднике в своём доме князь должен поднести царю стопку отравленной водки. Однако Репнев, терзаемый сомнениями, в последний момент раскрывает Петру план заговорщиков. В результате на приёме в доме Волынского после крестин царь не прикасается к поднесённой хозяином стопке, но предлагает Волынскому выпить за его здоровье. Волынский вынужденно подчиняется и умирает в картинной агонии. Остальных заговорщиков арестовывают не менее зреющим: по сигналу Меньшикова (стреляет в воздух из пистолета) появляется «Лефорт с солдатами потешной роты».³

³ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 263.

Ещё одна линия сюжета, связанная с заговором царевны Софьи, – хождения раскольников Никиты и Ермолая, которые, распространяя своё вероучение, вербуют новых сторонников царевны. В изложении Евстигнеева раскольники – безусловные приверженцы Софии, поборники старого уклада жизни. Здесь Евстигнеев воспроизводит укоренившуюся народную интерпретацию раскольничества, согласно которой главным антагонистом раскольников являлся именно Пётр¹, а царевна Софья по умолчанию становилась не просто их сторонницей, а едва ли не предводительницей.

Таким образом, в романе сложная фабула, состоящая из нескольких линий. Важную сюжетную роль в романе играют фольклорные мотивы. Завязка любовного конфликта происходит во время подробно описанного (включены даже фрагменты песен) святочного гуляния с ряжеными, а в его дальнейшем развитии важную роль играет эпизод с деревенским «колдуном» – переодетым другом главного героя, который таким образом пробирается в дом купца Тарасова и помогает главной героине сбежать. Ещё один элемент, связанный с народной культурой, обнаруживается в сюжетной линии заговора: поворотным моментом, подтолкнувшим боярина Репнева во всём признаться, становится его встреча с юродивым.

Сюжет характеризуется не только частой сменой повествовательного плана и места действия, но и времени: из текущего момента события переносятся в прошлое и обратно. Меняется и регистр пафоса – торжественный (патетический), сентиментально-мелодраматический, комический. Все вместе эти компоненты обеспечивают повествованию интригу и динамичность.

Собственно историческая проблематика в романе оказывается вторичной и носит упрощённо-декларативный характер. Первопричину конфликта Евстигнеев объясняет следующим образом: «Когда Пётр Первый Алексеевич вступил на престол, то

сообразно со своим обширным гением, он приступил к своей работе преобразования России; смело, быстро и отважно устремился к делу образования России, подражая в этом примерам учёного Запада. Понятно, что всякая новизна влечёт за собой суждения, tolki, возбуждает недоверчивость, и вот те деяния мудрого законодателя и просветителя России были встречены с ропотом или осуждаемы, как недоброжелателими, так и невеждами. … Всё это породило много причин к внутренним беспорядкам и преступным замыслам против умного, гениального Монарха».²

В целом, историческое правдоподобие не входило в задачи Евстигнеева, он стремился создать, в первую очередь, занимательный сюжет, используя широкий спектр приёмов: сюжетные клише, как литературные, так и фольклорные; колоритные второстепенные персонажи («колдун», юродивый); смена стилевого регистра текста, места и времени действия.

Трактовка образа царевны Софьи

Характеризуя царевну, автор использует эпитеты «умная», «честолюбивая», однако не берётся судить о внутренних причинах её поступков, ограничиваясь оговоркой: «история слишком мало сказала о характере Софии; зато её деяния хорошо известны и тот вред, который она с своими клевретами оказала своему брату. Только всемогущий Бог мог сохранить Петра, иначе он бы погиб от козней Софии».³ Он поясняет, что «ей так хотелось утвердиться на русском троне, что она забыла родство, братскую любовь, стыд и объявила себя тайно покровительницей раскольников».⁴ А ещё далее добавляет: «София считала себя по старшинству наследницей престола».⁵

Портретная характеристика, данная при первом появлении царевны, вполне комплиментарная: «женщина высокого ро-

² Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 108.

³ Там же. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 25–26.

⁵ Там же. С. 108.

¹ Этую трактовку находим, например, в серии лубочных картинок «Распри раскольников при Петре I».

ста», «красивое, несколько смуглое лицо, чёрные волосы, брови и чёрные глаза придавали выразительность её физиономии».¹ Полной противоположностью является описание героини в finale романа: «В её сердце, ещё горячем, кипело столько разнородных ощущений, что они тревожили весь её организм. Из прекрасной некогда Софии в несколько часов царевна преобразилась в бледную, исхудалую особу, из здоровой и вспыльчивой она превратилась в больную».² Не вдаваясь в морализаторство, автор через портретную характеристику показывает, к чему привели козни героини, и эксплицирует своё отношение к ней.

Образ царевны наделён чертами сказочной злодейки: она очаровывает сторонников своей красотой и убаюкивает их своими речами: «речь её текла рекою. Слушатели были очарованы её словами».³

Уделив внешности царевны достаточно много внимания, Евстигнеев не приводит цельного портретного описания Петра. Вместо этого он наделяет его сложной гаммой внутренних переживаний, которые проявляются через сверкающие глаза, бледнеющее лицо, сжимающиеся кулаки. Автор прямо задаёт идеиную систему координат в романе: «Пётр с юности посвятил себя на службу отечеству и находил удовольствие в трудах, тогда как вообще труда все избегали. ... Службу начал он с простого солдата, и был долгое время барабанщиком, и потом несколько лет рядовым солдатом. ... Таким-то образом этот молодой воин-Царь не только сам привыкал ко всем трудностям воинской службы, но и давал другим прекрасный пример и шутя привлекал других».⁴ Евстигнеев развивает тему образцового монарха, описывая привычки Петра: «Государь вставал рано и ел в определённое время в полдень и очень простые блюда: щи, каша,

студень, холодный поросёнок на сметане, жаркое с огурцами или с солёными лимонами, салакушка и ветчина. Рыба была ему вредна».⁵ Как отмечает Сидорова, задача Евстигнеева – «создать исключительно положительный образ Петра, мудрого, справедливого государя» [4, с. 42], поэтому опущены все отрицательные черты его характера (вспыльчивость, жестокость).

В описании личных взаимоотношений между братом и сестрой Евстигнеев также мало сообразуется с фактами. В художественной реальности романа главой государства является Пётр, при этом царевна Софья имеет полную свободу действий. Она живёт в некоем дворце в Кремле и может беспрепятственно посещать не только своего брата, но и своих сторонников-заговорщиков (ч. 3, гл. 5 «Раскаяние. Открытие и казнь»). В день перед покушением Софья приходит к Петру с притворным покаянием в заговоре и после того, как брат великодушно прощает не только её, но и её сообщников, сообщает о желании немедленно удалиться в монастырь. Сцена разговора Петра с сестрой построена на мелодраматических клише: благородный и великодушный протагонист – хитрая и вероломная антагонистка. Прощение скрепляется поцелуем и вознесением Петром благодарности иконе Спасителя. На утро перед покушением уже в своей монастырской келье царевна принимает заговорщиков, воодушевляя их словами: «Я сама поведу полчища к дворцу и сама подожгу его».⁶

В том, что касается оценки личности царевны, Евстигнеев не выходит за пределы взглядов, бытовавших в простонародье. Царевна, с одной стороны, изображена «предводительницей» раскольников, с другой – она сторонница старых порядков. Вот так устами Репнина описаны планы Софьи в случае успеха заговора: «Из честолюбивых видов царевна введёт опять то старое невежество, которое ты (персонаж обращается к Петру I. – Н. П.) стараешься уничтожить и исправить. Словом,

¹ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 103.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же. С. 211–212.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 260.

она хочет убить в России то, что должно возвысить её».¹ Евстигнеев транслирует бытующее в народе отношение к царевне, однако не вербализует его прямо, как он декларирует своё отношение к Петру. Вместе с тем отношение к царевне заявлено уже в названиях романа: негативно маркированное «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софьи» и не менее негативное «Царевна-преступница».

Лубочный роман Евстигнеева и историческая беллетристика 1870-х – 1880-х гг.

Лубочный роман Евстигнеева – не первое литературное произведение о царевне Софье², однако в нём впервые присутствует достаточно протяжённый сюжет, с ней связанный. В произведениях XVIII – первой трети XIX вв. царевна чаще всего являлась внесценическим (М. В. Ломоносов, И. И. Лажечников) или эпизодическим второстепенным персонажем (К. П. Масальский, Р. М. Зотов). В произведениях 1840-х – 1860-х гг. (Е. П. Ростопчина, А. Н. Майков) она уже центральная героиня, однако изображаемые события ограничены небольшим эпизодом. Таким образом, первая попытка довольно развёрнутого художественного осмысления исторической роли царевны предпринимается на самой периферии литературного поля и отражает, так сказать, коллективное, народное представление о ней. Через несколько лет после выхода романа Евстигнеева происходит всплеск интереса к царевне в другом сегменте массовой литературы, нацеленном на более образованное городское население. Выходят романы, относящиеся к жанру исторической беллетристики: «Престол и монастырь» (1878) П. В. Полежаева, «Царь-девица» (1878) Вс. С. Соловьёва, «Великий раскол» (1878) и «Царь Пётр и правительни-

ца Софья» (1880) Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» (1879) Е. П. Карновича, в которых даются уже иные трактовки образа царевны.³

Роман Евстигнеева мог быть знаком упомянутым беллетристам, однако едва ли правомочно говорить о его влиянии в плане изображения исторических событий. В перечисленных выше романах основной сюжета служат события правления царевны Софьи 1682–1689 гг., Евстигнеев же обратился к событиям более позднего времени. Кроме того, Полежаев, Соловьёв, Мордовцев и Карнович опираются на исторические источники и достаточно аккуратно придерживаются фактов. Евстигнеев же местами столь сильно исказяет события, что его произведение, пользуясь современной терминологией, можно было бы отнести к жанру «альтернативной» истории.⁴

Если говорить о художественной системе, наблюдается некоторое сходство в изображении царевны у Евстигнеева и Вс. Соловьёва; приём контрастного портретного описания героини в начале и конце произведения использует Полежаев. Однако оба случая едва ли можно возвести исключительно к тексту Евстигнеева. Впрочем, анализ возможного влияния лубочного романа на произведения исторической беллетристики – это задача отдельного исследования.

Заключение

Итак, лубочный роман Евстигнеева – компилятивный текст, построенный на использовании литературных и фольклорных клише. Это одна из первых развёрнутых попыток художественного осмысления исторической личности царевны Софьи, примечательная тем, что, в силу

³ Подробнее об этом см. [8].

⁴ В этом смысле представляется правомочным соотнести роман Евстигнеева с существующей на периферии современного литературного пространства пенталогией Ирены Гарды «Аз есмъ София» (2012–2018), относящейся к жанру ретроальтернативистики. О месте царевны в типологии героинь герекратического мифа см., например: [9].

¹ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 252.

² Подробнее об этом см. [7].

принадлежности романа к периферийному пласту литературы, он отражает не столько авторское, сколько коллективное народное восприятие образа царевны.

Частотность, с которой царевна Софья становится героиней литературных произ-

ведений на протяжении почти двухсот лет, свидетельствует о том, что она становится одним из архетипов новой мифологии. Её образ отражает одну из граней генекратического мифа, становясь в один ряд с образами Параси Лупаловой и Н. А. Дуровой.

ЛИТЕРАТУРА

- Рейтблат А. И. Глупли «Глупый милорд»? // *Лубочная книга* / сост. А. Рейтблат. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–20.
- Рейтблат А. И. Читатель лубочной литературы // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: сборник научных трудов. Вып. 5. Л.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1990. С. 125–127.
- Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 547 с.
- Сидорова Л. П. Лубочная повесть о «Петре I» // Проблемы жанра и стиля в русской литературе: сборник трудов. М.: б. и., 1973. С. 33–43.
- Минников Н. А., Перетяtkо А. Ю. Образы антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии: конструирование, функции, взаимодействие // *Былые годы*. 2022. № 17 (4). С. 1551–1563. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551.
- Сашченко Г. В., Синова И. В. Противоречивость оценки царевны Софьи современниками и историками // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики государств: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 73–78.
- Пуряева Н. Н. «Я родилась в порфире... на ступенях российского престола»: образ царевны Софьи в литературных произведениях XVIII–XXI вв. // *Литература в школе*. 2024. № 1. С. 70–79. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-70-79.
- Пуряева Н. Н. Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2025. Т. 25. № 2. С. 195–203. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203.
- Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 2. С. 108–117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117.

REFERENCES

- Reitblat, A. I. (1990). "Is the 'Stupid Milord' Stupid?" In: *Lubok Book*. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ., pp. 5–20 (In Russ.).
- Reitblat, A. I. (1990). The Reader of Lubok Literature. In: *Book Publishing in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Iss. 5*. Leningrad: M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library publ., pp. 125–127 (in Russ.).
- Prugavin, A. S. (1895). *People's Demands and Intelligentsia's Duties in the Field of Education and Upbringing*. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov publ. (in Russ.).
- Sidorova, L. P. (1973). Lubok Novel about Peter I. In: *Problems of Genre and Style in Russian Literature*. Moscow, pp. 33–43 (in Russ.).
- Mininkov, N. A. & Peretyatko, A. Yu. (2022). Images of Peter I's Antipodes in Pre-Revolutionary Russian Historiography: Construction, Functions, and Interaction. In: *Bylye Gody*, 17 (4), 1551–1563. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551 (in Russ.).
- Sashchenko, G. V., Sinova, I. V. (2024). The Inconsistency of Tsarevna Sophia's Assessment Made by Contemporaries and Historians. In: *Actual Problems of International Relations and Foreign Policy of States*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics publ., pp. 73–78 (in Russ.).
- Puryaeva, N. N. (2024). "I was Born in Royal Purple... on the Steps of the Russian Throne." The image of Princess Sophia in Literary Works of the 18th–21st centuries. In: *Literature at School*, 1, 70–79. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-70-79 (in Russ.).

8. Puryaeva, N. N. (2025). The Image of Princess Sophia in Historical Novels of the 1870–1880s. In: *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 25 (2), 195–203. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203 (in Russ.).
9. Kovtun, N. V. Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba Bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady. In: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 21 (2), 108–117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9323-6850

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puriaeava (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Russian Language, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9323-6850